

Критика и публицистика

Валерий
СДОБНЯКОВ

Нижний Новгород

Сдобняков Валерий Викторович. Родился в 1957 году на станции Нижняя Пойма Нижнеингайского района Красноярского края. Создатель и главный редактор журнала «Вертикаль. XXI век». Автор тридцати книг прозы, публицистики, критики. Обладатель многих всероссийских и международных литературных премий. Награждён государственными наградами: медалями Пушкина и В память 800-летия Нижнего Новгорода, Благодарностью президента РФ, а также Почётной грамотой Нижегородской области и Почётным знаком главы Нижнего Новгорода. Секретарь Союза писателей России. Председатель Нижегородской областной организации Союза писателей России. Живёт в Нижнем Новгороде.

На сайте «Русская народная линия» я опубликовал ряд заметок о некоторых прочитанных мною книгах. Первоначально я делал записи для своего дневника, но затем их обработал в отдельные самостоятельные тексты.

Всякая хорошая книга побуждает задуматься о прошлом и будущем, о том, что с нами произошло и происходит. Думал об этом и я, когда размышлял над фактами такой непростой русской истории. Впрочем – у какой страны она простая.

Как оказалось, к заметкам проявили интерес подписчики сайта. Тогда мы решили познакомить с этими текстами и читателей журнала «Вертикаль. XXI век». Первая публикация заметок прошла в № 77 за 2022 год. Теперь продолжение.

V.C.

ВСЯКИЙ ЧЕСТНЫЙ ХУДОЖНИК ТВОРИТ НЕ САМ ПО СЕБЕ

«Это было бы большим торжеством для наших невежд и мерзавцев...»

По страницам книги воспоминаний о В.Г. Белинском

Прочитал две книги литературных воспоминаний П.В. Анненкова: «Н.В. Гоголь в Риме летом 1841 года» и «Замечательное десятилетие 1838-1848».

И как тут не увидеть параллели прошлого с теперешним настоящим – бесполезную интеллектуальную борьбу западников с патриотами.

Бесполезную и бессмысленную, потому что ни те, ни другие не могли и не могут сейчас убедить противников в своей правоте.

Неизменным остаётся и то, что русские «западники», попадая на территорию идеализированного ими «мира», невольно начинают прозревать. Тут примечательно вот это высказывание Павла Васильевича Анненкова, завершающее его большие воспоминания о В.Г. Белинском (а уж каким ярким западником был критик – кто этого не знает):

«С ним случилось то, что потом не раз повторялось со многими из наших самых рьяных западников, когда они делались туристами: они чув-

ствовавали себя как бы обманутыми Европой, смотрели на неё с упрёком, как будто она не сдержала тех обещаний, какие надавала им втихомолку. Это обычное явление объясняется довольно просто. Сухая, деловая, часто ограниченная и невежественная и всегда мелочная плутоватая толпа новых людей первая встреча за границей путешественников и, случалось, довольно долго держала их в среде своей, прежде чем они переходили к явлениям и порядкам высшего строя жизни. Но тогда они уже расположены были требовать у последних отчёта за всю виденную прежде пошлость и возлагать на эти явления ответственность за всё то безобразное и ничтожное, которое не было уничтожено их влиянием. Белинский не избег общей участи путешественников».

Биссарион Григорьевич, конечно же, не мог не поделиться своими впечатлениями с друзьями, остающимися в России.

Но как же их разочаровали и даже напугали высказывания критика. Один из них В.П. Боткин писал Белинскому 19 июля 1847 года из Москвы:

«Понимаю твоё отвращение от Германии, Белинский, - очень понимаю, хоть и не разделяю его. Я не могу жить в Германии, потому что немецкая общественность не соответствует ни моим убеждениям, ни моим симпатиям, потому что нравы её грубы, что в ней мало такта... но я не изрекаю ей таких приговоров, как ты...»

А почему собственно Василий Петрович «не изрекает»?

Русской общественности можно «изрекать» всё, что только сочтёт нужным, а западной, как оказывается, - не смей, хоть и видишь её грубость и нетактичность.

«Политические очки, - далее наставляет Белинского Боткин, - не всегда показывают вещи в настоящем свете, особенно если эти очки сделаны из принятых заочно доктрин».

Так это «очки доктрин» способны исказить только западную действительность? А на русской почве они действуют безупречно? Здесь они всё истинно обличают, без искажений и заблуждений?

Обеспокоенный Боткин отправил письмо Белинского для прочтения друзьям-единомышленникам и вот делится с Биссарионом Григорьевичем их впечатлениями от прочитанного.

«Сейчас получил твоё ко мне письмо обратно от Грановского; он недоволен им и боится, чтобы ты с твоей теперешней точки зрения на Германию и Францию не стал бы писать о них, воротясь в Россию. В самом деле, это было бы большим торжеством для наших невежд и мерзавцев».

Читаешь такое и невольно восклицаешь: как стара русская вера в западный град на холме!

Множество раз это самому себе доказано, и всё-таки восклицаешь, словно только впервые осознал.

Европе, с точки зрения наших либералов, можно простить всё, любую ложь и подлость, грабёж и войну. Своим же, для которых и другого обозначения нет, как «подлецы» - ничего. И потому только, что они защищают русское национальное достоинство, свой язык, свою культуру, свою веру, свою землю.

Проходят века, свершаются кровопролитные войны, разрушают государства кровавые бунты и революции, но в этом противостоянии не изменяется ни-че-го...

О тёмном прохвосте, задумавшем уловить вселенную

По страницам романа Салтыкова-Щедрина «История одного города»

Удивительные вещи порой открываешь для себя, берясь перечитывать русскую классику.

Со школы не брал в руки книгу М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города». Видимо срабатывала память раннего чтения: довольно трудного и даже неприятного, угнетающего.

Нынешнее чтение романа мало что изменило в той давней оценке. Но некоторые прозорливые общественно-политические оценки писателя невольно заставили обратить на себя внимание. Я имею в виду правление в Глупове градоначальника Угрюм-Бурчеева. (Хотя аналогий с происходящим в будущем XX веке и в других историях хватает.)

Напомню «подвиги», совершённые этим правителем в несчастном поселении.

Сначала Угрюм-Бурчеев решил перестроить Глупов, чтобы в нём появились прямые улицы.

Но предворяя дальнейший рассказ необходимо несколько слов сказать про идеологию вопроса.

Даём слово Салтыкову-Щедрину.

«Начертавши прямую линию, он замыслил втиснуть в неё весь видимый и невидимый мир, и притом с таким неперменным расчётом, чтобы нельзя было повернуть ни в зад, ни вперёд, ни направо, ни налево».

Далее идёт описание плана социального устройства жизни, который сформировался в голове градоначальника задолго до прибытия его в Глупов. Тут полное предвидение будущей идеологии «военного коммунизма» Льва Троцкого. Только ещё до «выдающегося» большевика градоначальник города Глупова попытался свой план воплотить в жизнь.

Вот выдержки из «системы» устройства правильного существования населения города по Угрюм-Бурчееву:

«Школ нет... Нет ни прошедшего, ни будущего, а потому летосчисление упраздняется. Праздники два: один весной, немедленно после таяния снегов «Праздник Неуклонности» (в будущем его вполне можно сравнить с праздником «Весны и Труда 1 мая» в СССР); другой – осенью, называется «Праздник Препедржащих Властей» (тут всё соотносится с праздником в честь Великой Октябрьской Социалистической революции)... Всякий дом есть не что иное, как поселённая единица... Затем следует, собственно, город, который из Глупова переименовывается в «вечно достойная памяти великого князя... Непреклонск (переименование русских городов именами революционных деятелей и вождей с первых лет победы революции приняло непрерывный и всеобъемлющий характер)... Тем не менее, когда Угрюм-Бурчеев изложил свой бред перед начальством, то последнее не только не встревожилось им, но с удивлением... взглянуло на тёмного прохвоста, задумавшего уловить вселенную».

И вот градоначальник приступил к выполнению своего плана.

«Он ещё не сделал никаких распоряжений, не высказал никаких мыслей, никому не сообщил своих планов, а все уже понимали, что пришёл конец».

Первым делом распорядился полностью сломать город.

«Обыватели... начали работу разрушения... Все были налицо, все до единого... люди неумоимо преследовали задачу разрушения собственных жилищ, а на ночь устраивались в устроенных на выгоне бараках... Они сами не понимали, что делают... через полтора или два месяца не осталось уже камня на камне».

После уничтожения города приняли решение перекрыть реку.

И вновь героический труд во имя чего-то неведомого, мечтательного.

«Наконец люди истомились и стали заболеть. Сурово выслушивал Угрюм-Бурчеев ежесдневные рапорты десятников о числе выбывших из строя рабочих и, не дрогнув ни одним мускулом, командовал:

– Гони!»

Но жителей города для свершения грандиозного замысла не хватало, не хватало крепких, мускулистых рабочих рук, и тогда настала очередь интеллигенции.

«...привели и предводителя, который... считал себя свободным от работ... предводитель пошёл не сразу, но протестовал и сослался на какие-то права.

– Гони! Скомандовал Угрюм-Бурчеев.

Толпа загоготала».

Прошло ещё время в бессмысленной борьбе с рекой. Градоначальник «обратился к будочникам и приказал согнать городских попов:

«– Гони!»

Одолеть реку всё-таки не получилось. Разметала она плотину, что была воздвигнута на её пути из того, что когда-то составляло жилища бедных горожан.

«Луга обнажались; остатки монументальной плотины в беспорядке уплывали вниз по течению...»

Тогда решил Угрюм-Бурчеев строить город на новом месте.

Как же много всего наперёд рассказали нам русские писатели, как о многом предупредили, предостерегли, осмыслив то, что способны совершить их соотечественники.

Да разве чужое предвидение кого-то когда-то останавливало? В отечественной истории уж точно мы таких примеров не найдём. А, право, жаль...

Тем более роман 1869 года издания, сюжет которого русское общество в начале XX столетия смело ринулось претворять в жизнь.

Грань между действительностью и воображением

И.А. Бунин

Прочитал монографию Л.А. Смирновой «Иван Алексеевич Бунин: Жизнь и творчество». В ней анализ созданных писателем произведений. А раз так, то много спорных, субъективных оценок. Но в этом и достоинство монографии, вышедшей в самый канун уничтожения СССР.

Я, например, с трудом могу представить, чтобы поэт (в книге много страниц посвящено стихам И.А.), при написании своих произведений именно так представлял их прочтение.

То же и о прозе. Это сейчас, когда нам во всей полноте известно литературное наследие Бунина, мы можем делать какие-то выводы, да и то, основываясь исключительно на собственном духовном и интеллектуальном опыте.

Убедителен анализ Людмилы Алексеевны влияния на мировоззрение И.А. Бунина творчества А.С. Пушкина.

Автор приводит такое высказывание Ивана Алексеевича (уже в эмиграции, в тяжёлые для его душевного состояния периоды):

«Когда он вошёл в меня, когда я узнал и полюбил его? Но когда вошла в меня Россия? Когда я узнал и полюбил её небо, воздух, и так особенно (курсив И.А. Бунина) – с самого начала моей жизни».

Далее Смирнова добавляет от себя: «Связь с Пушкиным для художника нового века была закономерной и священной».

Для Бунина – да. В этом нас автор вполне убеждает. Однако – для всех ли?

И тогда литературовед вынуждена констатировать сама:

«Пушкин, по словам Бунина, обладал утраченным к XX столетию даром отзываться «на всякое проявление нравственного и умственного мира», жить «одной душой с людьми и природой», воспроизводить «все многообразные действительности» небывалой силой «музыкальных стихов», «смелых мощных образов». Вместе с тем, Бунин глубоко понимал необходимость «поэтического преображения прошлого» в период, когда «все и впрямь было на переломе, все сменялось»... Бунин хотел найти собственный путь приобщения к утерянной духовной гармонии...»

Иными словами – главное: всякий творческий процесс изменяется со временем и в оценках, и в ощущениях, и в переживаниях.

Бунин его прошёл в полной мере.

В прошедшие два года я сам писал в основном биографическую прозу, за исключением «Шумело море», повести, в которой хотелось разо-

браться в «анатомии любви», психологии того, что притягивает людей столь страстно, а в итоге ничего не приносит, кроме разочарования.

Кто, как ни Бунин в изучении этого вопроса потратил много сил и времени.

Биографическая проза даёт возможность вернуться к себе прежнему. Только оценивать случившееся с позиции теперешней, по прошествии многих лет, с позиции иного жизненного опыта.

Тут всегда возникает много сомнений, ибо себя стоит судить предельно откровенно – иначе выйдет «из-под пера» никому ненужная фальшь.

Людмила Алексеевна, размышляя над романом «Жизнь Арсеньева», приводит в монографии следующее суждение:

«В «заголовках» к роману Бунин писал: «...что вообще остаётся в человеке от целой прожитой жизни? Только *мысль*, только знание, что вот было тогда-то и то-то, да некоторые разрозненные видения, некоторые чувства» (выделено Ив. Буниным – Л.С.).

Далее Смирнова приводит ещё одну цитату, которая, как и первая, меня поразила тем, что абсолютно созвучна моим оценкам и размышлениям – буквально слово в слово.

«...в журнальном варианте риторически спрашивал: «А где грань между моей действительностью и моим воображением, которое есть ведь тоже действительность, нечто несомненно существующее».

Всякий честный художник творит не сам по себе. Его рукой водит Бог, создавая новую художественную действительность, «несомненно существующую», начинающую самостоятельный жизненный путь.

Так я ощущаю.

И в этом невероятно высокая ответственность писателя.

Перечитывая Паустовского

«Золотая роза»

Так соскучился по прозе К.Г. Паустовского, что уже несколько дней запоем читаю его рассказы и книгу «Золотая роза».

Как легко, чисто, свободно писал Константин Георгиевич. И в то же время не суетливо, а о главном, том, что находит отклик и в моём сердце.

А ведь сегодня для подавляющего числа ещё существующих читателей Паустовский – почти забытый писатель.

В этом есть неразгаданная несправедливость времени. Сиюминутные (относительно почти столетней истории советского периода русской литературы) литературные наслоения мешают видеть главное, которое постоянно уходит в толщу культуры, создавая её гумусный, плодородный слой для будущих творцов.

Но и оттуда, из-под наслоений, это главное временами пробивается великолепным цветением – духовным, эстетическим.

По традиции хочется что-нибудь выписать на память из «Золотой розы» – книги о писательском труде.

К тому же я и сам об этом достаточно много думал, а кое-что и испытал на собственном опыте.

Итак:

«Так впервые я убедился в том, что главное для писателя – это с наибольшей полнотой и щедростью выразить себя в любой вещи, даже в таком маленьком рассказе, и тем самым выразить свое время и свой народ. В этом выражении себя ничто не должно сдерживать писателя – ни ложный стыд перед читателями, ни страх повторить то, что уже было сказано (но по-иному) другими писателями, ни оглядка на критиков и редактора.

Во время работы надо забыть обо всем и писать как бы для себя или для самого дорогого человека на свете.

Нужно дать свободу своему внутреннему миру, открыть для него все шлязы и вдруг с изумлением увидеть, что в твоём сознании заключено гораздо больше мыслей, чувств и поэтической силы, чем ты предполагал.

Творческий процесс в самом своём течении приобретает новые качества, усложняется и богатеет» (глава «Первый рассказ»).

* * *

Как только в начатой вещи появляются люди и как только эти люди по воле автора оживают, они тотчас же начинают сопротивляться плану и вступают с ним в борьбу. Вещь начинает развиваться по своей внутренней логике, толчок для которой дал, конечно, писатель. Герои действуют так, как это соответствует их характеру, несмотря на то, что творцом этих характеров является писатель.

Если же писатель заставит героев действовать не по возникшей внутренней логике, если он силой вернет их в рамки плана, то герои начнут мертветь, превращаясь в ходячие схемы, в роботов.

Эту мысль очень просто высказал Лев Толстой.

Кто-то из посетителей Ясной Поляны обвинил Толстого в том, что он жестоко поступил с Анной Карениной, заставив ее броситься под поезд.

Толстой улыбнулся и ответил:

– Это мнение напоминает мне случай с Пушкиным. Однажды он сказал какому-то из своих приятелей: «Представь, какую штуку удрала со мной Татьяна. Она замуж вышла. Этого я никак не ожидал от нее». То же самое и я могу сказать про Анну Каренину. Вообще герои и героини мои делают иногда такие штуки, каких я не желал бы! Они делают то, что должны делать в действительной жизни и как бывает в действительной жизни, а не то, что мне хочется.

Все писатели хорошо знают эту неподатливость героев. «Я в самом разгаре работы, – говорил Алексей Николаевич Толстой, – не знаю, что скажет герой через пять минут. Я слежу за ним с удивлением» (глава «Бунт героев»).

* * *

«Флоберу в высокой степени было присуще то свойство писателя, которое теоретики литературы называют «персонификацией», а говоря проще – способностью перевоплощаться в своих героев с такой силой, что все происходящее с героем (по воле писателя) переживается самим писателем необыкновенно болезненно.

Известно, что, описывая смерть Эммы Бовари от яда, Флобер почувствовал все признаки отравления и ему пришлось прибегнуть к помощи врача» (глава «Как будто пустяк»).

* * *

«В последние годы подробности начали исчезать из нашей беллетристики, особенно в вещах молодых писателей...

Смысл подробности заключается в том, чтобы, по словам Пушкина, мелочь, которая ускользает от глаз, мелькнула бы крупно, в глаза всем.

С другой стороны, есть писатели, страдающие утомительной и скучной наблюдательностью. Они заваливают свои сочинения горами подробностей – без отбора, без понимания того, что подробность имеет право жить и необходимо нужна только в том случае, если она характерна, если она может сразу, как лучом света, вырвать из темноты любого человека или любое явление» (глава «Старик в станционном буфете»).

* * *

«Он (Чехов – В.С.) писал, что самое характерное качество бездарного писателя заключается в том, что он ведет себя надутно и спесиво, как первосвященник. Скромность – одно из величайших черт русского на-

рода... В скромности – моральная сила и чистота народа, а в бахвальстве – его ничтожность и недостаток (глава «Давно задуманная книга»).

Оговорюсь, что цитирую по изданию: Паустовский К.Г. Повести и рассказы. Л., Лениздат, 1979. 672 стр.

И вот, как бы в подтверждение последней приведённой цитаты (перехожу к сегодняшнему дню), перепишу сообщение из новостной информационной ленты.

Канцлер Германии Штольц заявил, что не может посетить Киев из-за отказа Украины принять президента ФРГ Штайнмайера. На это украинский посол в Берлине назвал главу этой страны «оскорблённой печёночной (то бишь – ливерной, дешёвой – В.С.) колбасой». Что же, Европа сама вырастила хама (в виде политиков отдельной страны) на свои собственные деньги, натравила его на Россию и теперь пожинает законные плоды «благодарности».

Проза Георгия Гребенщикова *«Сибирские повести и рассказы»*

Ночью где-то совсем высоко слегка погрело. Позже пошуршал в листе дождичек – лениво, без азарта, скоротечно. Но и от этого звука проснулся, прислушался. Затем встал, походил в сумеречной темноте комнаты. Поняв, что не уснуть вновь, принялся за чтение.

После часового бдения забылся.

Проснулся от того, что ветер сильными порывами бьёт в стены дома, шумит кустами сирени.

Пока готовил завтрак, взялся читать повесть «Лесные короли» Георгия Гребенщикова. И увлёкся. Уж и каша приготовилась, и кофе стынет, а не хочется останавливаться. Так и прочитал до конца.

Богата русская литература. Потому разбрасываемся тем, что похозяйски надо бы сберечь.

Хочется что-то хотя бы кратко, записать для себя о прозе Георгия Дмитриевича. Как-никак, я лауреат премии его имени.

Первая книга повестей и рассказов Георгия Гребенщикова «Сибирские повести и рассказы (1911-1919)», которую я поначалу пропустил, начав знакомство с творчеством писателя со второй, где опубликованы более поздние его произведения, всё-таки несущие в себе более ярко выраженный социальный контекст (рассказы «Под открытым небом», «На лыжах», «В тиши степей», повесть «Лесные короли»), эти заметно религиознее.

В рассказах первого тома, большей частью небольших (за исключением повести «Ханство Батырбека»), герои живут с Богом в душе, с памятью о Нём. «В полях», «У хлебов», «Всходы», «Весною» – все о крестьянском труде (с некой его поэтизацией) в котором без основания на Его милость не выжить, урожая не получить, со скотом не управиться, в житейских отношениях не разобраться.

Гребенщиков в произведениях не декларативен, а художественен. Стихия языка тех, о ком Георгий Дмитриевич пишет, ему понятна, для него органична, он в ней легко, свободно себя чувствует. В подавляющем большинстве главные герои рассказов (за исключением Калистратича – «По указу») – крепкие, даже зажиточные крестьяне.

Видно, как именно такой тип труженика писателю приятен, – и Богу помолится, и в хозяйстве управится, и достаток для близких создаст. Но всё даётся через преодоление скорбей.

В произведениях первой книги не так много социальных столкновений (во второй, где помещены тексты предреволюционного периода, эта тема затрагивается значительней), но вся палитра человеческих отношений с любовью, стяжательством, преданностью, обманом и тут налицо.

Особняком выделяется повесть «Ханство Батырбека».

Быт киргизов, их столкновение с русскими переселенцами, трагедия дождя в зимней степи – для большинства русских читателей неведомые события, описаны Гребенщиковым не с холодным сердцем наблюдателя или этнографического исследователя, а с сопереживающим чувством, не оставляющим читателя равнодушным.

В этом кроется достоинство настоящей прозы.

Вот картина того, что натворил джунт (пришедшая после дождя гололедица) в алтайской степи. Страшная, но до мельчайших деталей правдивая картина.

«В одни сутки погибли сотни тысяч киргизского скота, захваченного в степи на пастбище, закоченели десятки пастухов... Целые табуны лошадей и жеребят тесными группами и рассеянными одиночками окоченели, стоя в глубоком снегу, и, обледенелые и опущенные снегом, представляли выставку уродливых изваяний, страшных в своём мёртвом безмолвии и неподвижности... Местами рядом с лошадьми, прильнув к ним и застывши вместе с ними, стояли, сидели и лежали человеческие статуи, как в броню, закованные в ледяную кору и подёрнутые узором из снежных кружев...

Когда через неделю после дождя... Сарсеке вместе с Исхаком... поехали разыскивать погибших пастухов, они наткнулись на мёртвый табун и не решились приблизиться к нему... Сарсеке пришёл в ужас от обилия и наглого бесстрашия волков, остервенелого... грызущих трупы... Там, пригнувшись к гриве, на мёртвой, опустившей зад и увязшей в заледенелом снегу лошади, сидел маленький Куаньшка. Он весь блестел на солнце, будто вместе с лошадью был выкован из серебра...»

Далее ещё несколько подобных картин и описания тех бед, которые обрушились на кочевников вместе с гибелью скота.

Написано и выверено, и немногословно.